

Ряда Музыкантская

ДЕД МОРОЗ: Путь волашебника

Ряда Музыкантская
Дед Мороз. Путь Волшебника

«Издательские решения»

Музыкантская Р.

Дед Мороз. Путь Волшебника / Р. Музыкантская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537606-0

Я всегда задавалась вопросом одним: до того, как состариться, был он каким? Ну не мог же Мороз сразу дедом родиться? Где он вырос? С кем дружил? Была ли у него семья? А чем он занимался? Почему стал тем, кого знает каждый? Однажды в канун Нового года я узнала ответ из первых уст. И пообещала Морозу, что расскажу его историю миру. Если вы держите в руках эту книгу, значит, мое обещание главному русскому волшебнику выполнено.

ISBN 978-5-00-537606-0

© Музыкантская Р.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава Первая: Чудесная находка	7
Глава Вторая: Детство Ивана	13
Глава Третья: Не такой, как все	22
Глава Четвертая: Побег	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дед Мороз. Путь Волшебника

Рьяда Музыкантская

Иллюстратор Катерина Яковлева

Редактор Анче Кола

© Рьяда Музыкантская, 2023

© Катерина Яковлева, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0053-7606-0

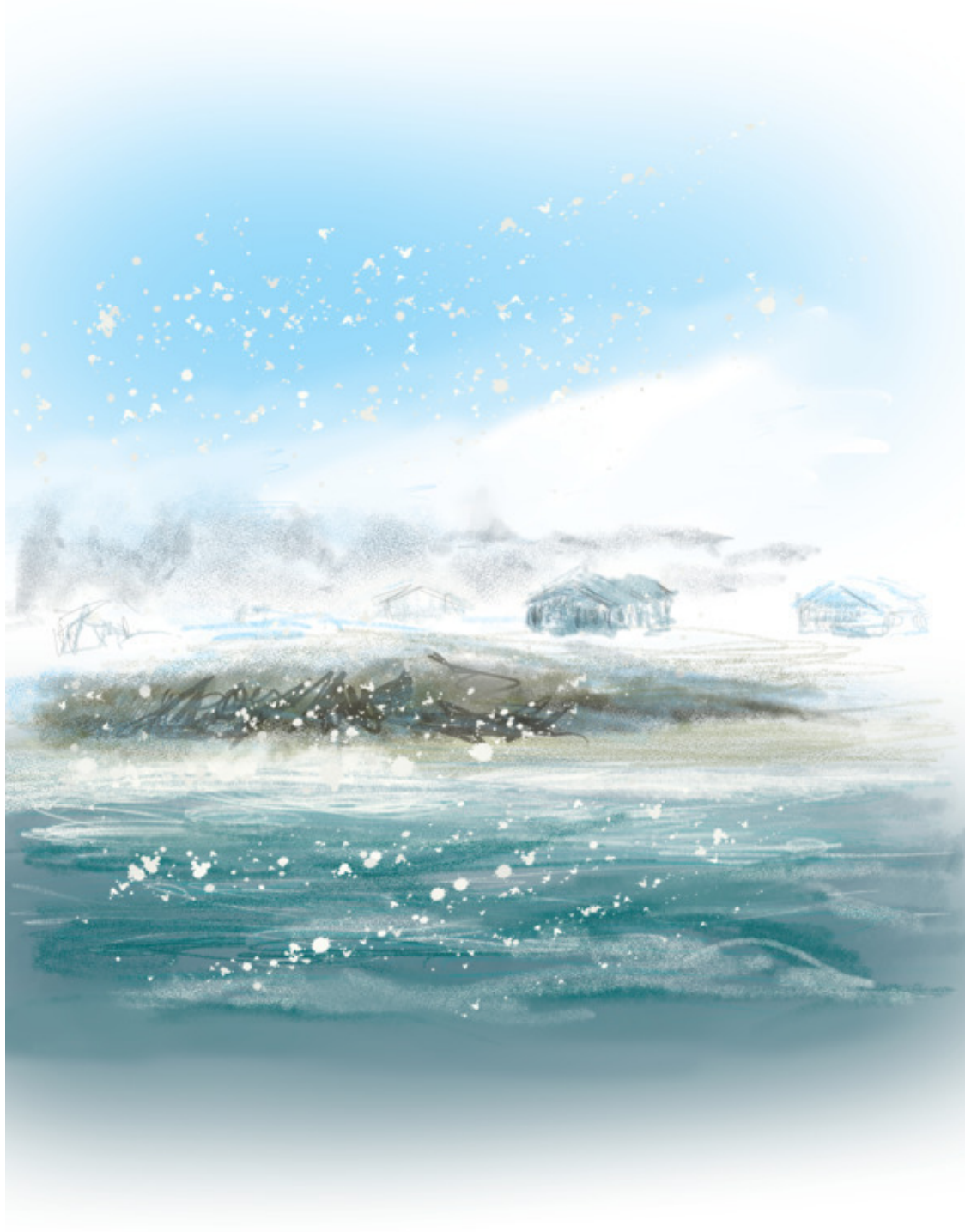
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Когда мы верим в себя и следуем выбранному Пути, случаются настоящие чудеса. Именно об этом история Ивана Морозова, мальчика, который боялся волшебства, но стал главным русским волшебником – Дедом Морозом.

Посвящается моему сыну Глебу и всем волшебникам мира, маленьким и взрослым.

Глава Первая: Чудесная находка

Эта история началась в небольшой деревушке на Севере, берега которой омывают воды ледяного, но прекрасного моря. И так много с тех пор чудес утекло, что уже и не упомнить, в каком точно году Андрей Морозов, или попросту Рыбник, нашел на берегу младенца.

Край этот всегда был суровым, с коротким летом и долгой зимой, когда снега выпадало столько, что ни проехать, ни пройти. Поэтому и люди тут рождались крепкими телом и духом. Приходилось им много трудиться, чтобы выжить. Они заплывали на своих кораблях далеко в море, но не из праздного любопытства, а чтобы найти новые места для рыбалки и охоты на морского зверя. Ведь только так можно было прокормиться самому и поднять детей. Зато никогда эти люди не знавали неволи: захватчиков останавливал лютый мороз и бездорожье.

Рыбник был потомственным охотником. Его прапрадед когда-то давно бежал в северные земли и основал эту деревню и, как гласила молва, собственноручно построил первый небольшой корабль округлой формы, приспособленный для плавания во льдах. Называлось такое судно коч. Прапрадед передал свое мастерство сыновьям, а те – своим, так оно и дошло до Рыбника. Еще мальчишкой он под руководством старших смастерил свою первую лодку и рыбачил около берега, а потом вместе с отцом сладил корабль и назвал его «Чайка». Рыбник любил море, и оно помогало ему: всегда он возвращался с большим уловом. В деревне говаривали, будто с неводом в руках родился, за то и получил еще юнцом свое прозвище.

Как и многие в этих краях, отец и дед Андрея погибли в море. Деревенские сами пришли к Рыбнику и попросили быть их старостой. Так молодой мужчина стал преемником деда и теперь отвечал не только за свою жену и трех сыновей, но и за всю округу. Нужно было помочь каждому и советом, и делом: прокормить семью погибшего моряка, выстроить сгоревшую избу, договориться, чтобы добытый тяжелым трудом товар продали по лучшей цене, и денег хватило на закупку всего необходимого в деревне.

Год от года рыбачить и охотиться в привычных местах становилось все сложнее. Нужно было осваивать новые земли, где водились моржи, тюлени, морские единороги и другие жители большой воды. Иногда такие походы заканчивались удачно, и тогда деревня могла пережить зиму, но все чаще вместо добычи моряки находили лишь голые льдины.

Однажды после очередного неудачного похода Рыбник разглядывал карты – куда им отправиться в следующий раз. И невольно вспомнил легенду о Чудо-острове:

«Давным-давно, когда люди только начинали свой путь на Земле и были чисты, как дети, они могли легко отыскать Чудо-остров. Он возник задолго до сотворения нашего мира и, словно огромный корабль, плавал по просторам Вселенной. Неизвестно, когда и зачем невидимый якорь связал его судьбу с миром людей, но побывавшие на Чудо-острове в один голос твердили, что на нем скрыто самое дорогое в мире сокровище.»

Шли века, мир менялся, у людей появлялось все больше забот, и они забыли путь к Чудо-острову. Старики говаривали, что остров расположился где-то во льдах на краю земли. Точной точки на карте никто не знал.

Вместе с воспоминаниями передавалось из уст в уста еще и древнее пророчество. Правда ль то, али время его изменило, уже не узнаешь. Но гласило оно, что однажды найдется храбрец, который отправится на поиски».

Рыбник слышал эту легенду много раз, впервые еще мальчишкой. Корабли были главной его страстью и, конечно, он сразу захотел отыскать остров, который, как корабль, мог перемещаться между мирами. Потом староста вырос, тяжелый каждодневный труд не оставлял вре-

мени на мечты, сказочки перестали иметь для него смысл. Но сейчас он задумался: «А вдруг и правда есть такой остров? Иначе стали бы люди просто так языком трепать? И дед ходил далеко на север за добычей. А что самое дорогое в мире? Для нас – пушнина и кость. Значит, на этом острове скрываются тюлени, моржи, нарвалы, а глядишь, и другой зверь невиданный».

Рыбник решил разузнать побольше про этот остров. Лучше всех в их деревне легенды знала его соседка – сказительница Марфа Семеновна. У нее-то Рыбник и спросил, о каком сокровище шла речь. Женщина хитро улыбнулась и ответила: «О самом важном для всех людей».

«Самое важное для людей – жить в сытости и достатке. Чем больше добудем, тем лучше заживем. Непременно нужно отыскать этот остров», – решил для себя Рыбник.

Вдохновленный, он поделился планами с женой, но ей эта мысль не понравилась. Даже если остров действительно есть, то плыть на край света, не зная точно, куда – огромный риск. Да и дети еще малые, если что случится, одной ей не управиться. Делать нечего, пришлось прислушаться к любимой супруге. Тем более, что улова в знакомых местах пока худо-бедно хватало.

Шли годы, сыновья росли. Рыбник учил старших своему ремеслу. Вот они уже смастерили свои первые лодки, помогали отцу на корабле и готовились отправиться в большое плавание. Но в то лето предстояло плыть по торговым делам далеко на Восток, и Рыбник решил, что сыновья останутся за старших на «огороде» – так в этих краях называли огороженные участки моря, где ловили рыбу.

Его не было несколько месяцев. За это время в деревню пришла неизвестная болезнь. Жена и старшие сыновья умерли, остался только младший – хилый и так не похожий на родителя Митя. Рыбник был раздавлен. Благо, дела не позволяли утонуть в горе. Нужно было как-то пережить предстоящую зиму.

«Будь в доме деньги, вызвали бы врача из города. Надо было давно отыскать этот остров и взять столько добычи, сколько на корабль влезет. И сделать столько ходок, сколько успеем», – думал Рыбник долгими зимними ночами. Его сердце сковала боль, но он пытался не замечать ее, отвлекаясь на мысли о Чудо-острове, который, как казалось, мог решить все беды.

С первыми лучами весеннего солнца Рыбник засобирался в путь. Он знал окрестные моря, как свою родную деревню, и много раз бывал в водах океана. Верный коч «Чайка» мог дойти и на край света, если взбредет, ведь, в отличие от других кораблей, он не застрянет во льдах. Хитрость строения судна северный народ бережно хранил и передавал через поколения. Заезжие иногда посмеивались: мол, что это у вас корабль на куриное яйцо похож. Но потом, когда видели кочи в деле, смеяться переставали. Ведь, именно благодаря такой форме и двойной обшивке корпуса, северные корабли легко скользили мимо льдин. А если все-таки попадали в ледяной плен, то коч было легко вытащить на берег и везти, словно сани. И это предусмотрел северный народ, сделав свои судна плоскодонными. «Чайка» никогда не подводила Рыбника. И он был уверен, что и в этот раз коч приведет к заветной цели – Чудо-острову.

Вот только одному в море делать нечего, это Рыбник знал наверняка. Но как убедить людей плыть на неизвестный остров из древней легенды?

– Там мы добудем много пушнины и сможем задорого продать, – говорил морякам Рыбник.

Каждому из рыбаков приходилось встречать суровую зиму, когда наторгованного за лето едва хватало на всю семью. Закаленные Севером, эти мужчины не привыкли жаловаться и день за днем кормились тяжелым трудом. Но каждый в душе мечтал о сытой жизни, такой, чтобы в воскресный ужин отведать не только солонины, а еще и вкусного пирога с медовухой. Однако неоправданный риск все же пугал больше.

Тогда Рыбник показал старинные карты, где действительно была отмечена неизвестная им земля. И напомнил рассказы о походах предков, которые заплывали гораздо дальше и приносили добычи столько, что потомкам и не снилось.

– Мы сделаем новую карту и всегда сможем вернуться, – уверенно говорил Рыбник. – Ни мы, ни наши семьи больше никогда не будут голодать.

Если бы позвал кто-то другой, даже самое сильное желание сорвать большой куш не убедило бы моряков. Но звал Рыбник – «человек дела», как часто говорили в команде. От него было сложно дожидаться доброго слова, но если у кого в деревне случалась беда, Рыбник всегда приходил на выручку. Староста так много раз помогал им, что каждый был перед ним в долгу. А, зная упрямство и порой неразумную отвагу друга, они еще и побоялись отпустить его одного. Потому команда из двадцати человек, пусть и скрепя сердце, согласилась плыть.

В первый день лета на берегу собралась почти вся деревня. Кое-где слышался детский плач и тихий женский шепот. Никто не отваживался произнести вслух мнение большинства: команда корабля собралась на верную смерть. И, правда, не каждый день мужчины отправлялись искать Чудо-остров.

...Путь был долгим и трудным. Уже давно проплыли знакомые острова и двигались все дальше на край мира – к Северному полюсу. Много раз моряки думали вернуться обратно, но желание отыскать богатые земли и уверенность капитана пересиливало.

В один из похожих на череду других дней коч попал в ледяной плен. Рыбник тут же командовал бросить и закрепить якорь на льдине. Широкоплечие мужчины налегли на особый ворот: на него накрутилась цепь якоря, а корабль заехал на льдину. И вот уже их сменила следующая команда, давая прежней отдохнуть. Несколько мужчин поопытнее спешили на льдину, чтобы перетаскивать и закреплять якорь дальше. В этом деле силы требовалось чуть меньше, но зато нужно было точно определить направление, чтобы корабль снова оказался на воде как можно быстрее. Сам Рыбник оставался на судне и вместе с остальными крутил ворот. Если бы кто-то увидел корабль со стороны, ему бы показалось, что «Чайка» будто плывет по льдине. Но вокруг не было ни души. Ледяной островок оказался небольшим, и вскоре коч опустили на воду. Весь следующий день плыли без препятствий и ждали, что скоро покажется Чудо-остров.

Но их встретили только бесконечные пустынные льдины. Мужчинам приходилось крутить ворот и днем, и ночью, сменяя друг друга. Силы покидали их, а корабль с каждым днем, казалось, становился все тяжелее. Измученные ветрами и скудным питанием, моряки старались убедить капитана вернуться.

– Нет тут ничего, легенда врет, – твердили матросы.

Но Рыбник был непреклонен:

– Я знаю, что остров там, – высокий и широкоплечий, он стоял у руля и смотрел вдаль. Рыжие волосы и борода сбились в колтуны и покрылись инеем, но он не замечал этого. В глазах его горел огонь, и говорил он уверенно:

– Много раз в непроглядную тьму я выводил нас по звездам к берегу. Вот и сейчас они ведут меня, показывая остров. Полярная звезда над нами, а значит, совсем скоро мы найдем сокровище. И заберем с собой!

Но обещание Рыбника не сбылось. Они уже несколько дней тащили коч по льдине, а спуска на воду даже не было видно. Тогда команда совсем отчаялась, моряки в один голос умоляли Рыбника вернуться. Но он приказал ждать его, а сам отправился на разведку.

«Должна же когда-то закончиться эта бесконечная льдина», – думал он, шагая навстречу неизвестности.

Рыбник брел несколько часов и так устал, что еле волочил ноги. Пробираться становилось все сложнее, но он не хотел сдаваться. Неожиданно поднялась вьюга, снежный столп закружил его. Рыбник уже не понимал, откуда пришел и где оказался. Он на секунду закрыл глаза, а когда открыл, прямо перед собой увидел дворец неземной красоты, весь сделанный изо льда. Он вошел внутрь и обомлел. Каждый уголок волшебного жилища был украшен витиеватым снежным узором, будто неизвестный создатель много часов подряд делал причудливую роспись мерцающими ледяными красками.

Рыбник так устал, что решил, что сходит с ума, когда вдалеке послышался детский плач. Мужчина пошел на звук и вскоре увидел ребенка: совсем кроху и без одежды! От удивления Рыбник даже ущипнул себя, чтобы проверить, не заснул ли ненароком. Поняв, что малыш не почудился ему, а взаправду лежит на чем-то вроде ледяной колыбели, он поежился от холода. «Надо согреть, а то замерзнет», – сказал он вслух и направился к нужному залу. Но тот все время удалялся. Мужчина немного постоял, раздумывая: «Побегу со всех ног и тогда уж точно доберусь до него». Но как только он двинулся с места, замок запылал разноцветными огнями, выросшими из самого сердца льда. Фиолетово-зеленые переливы ослепили Рыбника, он потерял равновесие, упал и стукнулся головой об лед.

Рыбника долго не было, и моряки, немного переведя дух, двинулись по его следам. Капитана нашли без сознания. Когда его начали трясти, Рыбник что-то спрашивал про замок и младенца, но потом уснул. Его отнесли на корабль и решили, что нужно возвращаться, пока сами целы.

Рыбник пришел в себя через несколько часов, когда команда уже перемещала корабль по льдине туда, откуда они пришли. Он принялся протестовать и спрашивать, не заметили ли они чего-то необычного. Но все матросы в один голос уверили его, что видели только бесконечный лед и снег. Рыбник решил, что бредил от усталости. Силы его были на исходе, и он смирился с решением команды: пора домой.

Обратного пути Рыбник почти не помнил, но он показался удивительно коротким: должно быть, море снова помогало им. Погода была ясная, небо чистое, и вскоре они увидели родные берега.

Мужчин вышла встречать вся деревня. К Рыбнику подбежал худой мальчик и нежно обнял его за ноги. Это был младший сын Митя, он один у него и остался.

«Вернулись без сил и добычи, зато живые», – пошутил кто-то из команды. Но Рыбник сделался таким хмурым, что матросы поспешили скорее разойтись.

В тот вечер в доме старосты было тихо. Никаких гостей и песен, как бывало после удачных походов. Досыта наевшись и уложив сына, Рыбник навис над картой и силился что-то на ней разглядеть, но вскоре усталость взяла верх. Рыбник спал тревожно, а под утро к нему пришел чудной сон: мужчина снова увидел замок изо льда и услышал плач младенца. Он резко вскочил и открыл глаза. Плач стал тише, но по-прежнему был слышен. Рыбник наскоро оделся и побежал к кораблю. В предрассветную пору берег был пуст, поэтому он сразу увидел младенца на палубе: с виду мальчик, как мальчик, каким были все его сыновья. Рыбник подбежал и взял ребенка на руки. Удивительно, но малыш оказался теплым, хотя сам староста немного озяб. Он посмотрел мальчику в глаза. В них на мгновение появилось сияние, такое же, как в волшебном замке. Но потом ребенок, сладко зевнув, уснул.

«Неужели это тот самый малыш? И значит, мы нашли Чудо-остров? Но я же не брал его на корабль! Как он тут оказался?»

Рыбник осмотрелся, надеясь понять по следам, кто мог принести мальчика на «Чайку». На берегу не было ни души.

«Не оставлять же его здесь, придется забрать в деревню. И уж на совете решить, кто захочет приютить сироту», – вначале думал Рыбник. «Но как объяснить им, откуда этот мальчик? Вдруг он на самом деле с чудесного острова? Стало быть, он послан мне не просто так. И, когда подрастет, сможет отыскать сокровища», – подходя к дому, Рыбник уже решил оставить ребенка себе.

Глава Вторая: Детство Ивана

Мальчика назвали Иваном. И вышло это вроде бы случайно.

В то утро, когда Рыбник нашел на берегу младенца и возвращался домой, у ворот его поджидала соседка – Марфа Семеновна. Рыбник еще не успел обрести обычное хладнокровие, поэтому вывалил ей всю историю как на духу: про мираж дворца во льдах, про плач младенца, который он там услышал, и который привел его утром на берег. Рыбник знал, что Марфе Семеновне можно доверить любую тайну. Женщина хоть и слыла в деревне чудачкой, именно к ней в трудную минуту каждый приходил за советом и помощью. Марфа Семеновна жила сказками, былинами и песнями Севера. Многие из них она узнала от деда и матери, а потом собирала по крупицам от заезжих торговцев. Соседи часто видели женщину на берегу, сидящей прямо на земле или камне и слушающей ветер. Марфа Семеновна была женщиной в годах. Невысокого роста, пухленькая и улыбчивая, когда-то обладательница золотистых волос, но теперь совсем седая. Точного возраста женщины уже никто не помнил, но к ней еще мальчишкой прибегал и сам Рыбник.

Марфа Семеновна внимательно выслушала Рыбника, а потом протянула руки к мальчику, осмотрела его и довольно улыбнулась:

– Здравствуй, волшебник, – прошептала Марфа.

– Что ты сказала?

– Говорю, хороший мальчик, настоящее сокровище нашел.

Рыбник молча кивнул.

– А назовешь-то как? – спросила Марфа.

– Я и не думал еще.

– Может быть, Ваня? – предложила Марфа невзначай.

– Почему Ваня?

– Как в сказках. Жил да был Иван.

– Дурак?

– Много ты понимаешь в сказках-то. Хочешь, сам придумывай, – заворчала Марфа.

– Ладно, пусть будет Иван. А ты не сердись, Марфа, – примирительно проговорил Рыбник. – Как вот только управлюсь с малышом один?

– Почему один? Я-то на что? – и Марфа уверенно взяла младенца. – Пойду его накормлю, а ты пока с Митей поговори. Он у окна уж весь извелся.

Митя был младшим родным сыном Рыбника. Долговязый, с копной черных, как смоль, волос. В отличие от двух старших братьев, он рос хилым и не был похож на отца. Мать жалела и баловала его, а Рыбник, поняв, что из Мити не выйдет достойного ученика, не испытывал к нему особой тяги. Когда мать и братьев унесла болезнь, мальчик, видя слезы отца, спросил:

– Отец, ты бы хотел, чтобы вместо них умер я?

Рыбник не ответил, но ему стало стыдно. В порыве отчаяния он иногда так действительно думал. Старшие сыновья были его надеждой и гордостью, а Митя никогда не проявлял ни капли любви к мореходству. Да и был такой слабый, что на корабле ему делать нечего – все равно бы не справился. Однако ж Рыбник казался суровым только снаружи, сердце его оставалось добрым. Он не ответил тогда Мите, но обнял сына и принялся гладить по голове, пока тот не заснул. Правда, такие проявления нежности случались редко.

Поэтому, когда в то утро Митя увидел в окно отца с младенцем на руках, он не находил себе места. Мальчик несколько раз порывался выбежать во двор, но по озабоченному лицу отца заключил, что лучше остаться в избе. Когда Рыбник передал младенца Марфе, Митя облегченно выдохнул. От бабушки можно ожидать любых странностей, даже невесть откуда взявшихся младенцев. Но, войдя в дом, Рыбник объявил, что найденный малыш теперь будет его братом. Митя хотел потребовать объяснений и отговорить отца, но не сдержал обиду и совсем по-детски заплакал. В ту пору Мите едва исполнилось семь лет. У самого Рыбника в этом возрасте уже была лодка, и слез он себе не позволял. Но что взять с мальчишки, который долго грелся за материнской юбкой?

Рыбник сдерживался, чтобы не указать сыну на его слабость. В память о любимой жене, на которую Митя был очень похож, он сказал как можно мягче:

– Я нашел этого мальчика на берегу и не смог оставить там умирать.

– Но почему он должен жить у нас? – всхлипывая, спросил Митя.

Митя не был злым мальчиком, но боялся, что новый малыш похитит и те крохи любви отца, которые изредка доставались ему. Рыбник не мог открыть всей правды, но был честен в своем ответе Мите. Он обнял сына и сказал:

– Недавно мы почти потеряли семью, этот ребенок послан нам не просто так.

Митя был удивлен и тронут словами отца, и потому изо всех сил постарался принять Ваню, как родного брата.

Оставалось только рассказать о прибавлении в семье жителям деревни. Рыбник сразу решил, что про замок во льдах никому, кроме Марфы, знать не стоит. Выходит, нужно сообщить лишь то, что случилось утром на берегу.

– На рассвете ветер переменился. Я решил проверить, хорошо ли закреплен коч. Прихожу, значит, а там ребенок. Куда деваться, пришлось взять. И подумал, раз прошлым летом семья наша обеднела, возьму мальчишку себе, – так Рыбник рассказывал о появлении Вани.

И хотя Рыбник ни в чем не соврал, многим в деревне казалось, что он темнит. Но сплетничать в этих краях было не принято, жили одной большой семьей и всегда приходили друг к другу на выручку. Поэтому, когда одна дурная старуха сказала: «Нагулял!» – никто в это не поверил. Конечно, Рыбник был всего лишь человеком и часто ездил по соседним деревням. Но чтобы так быстро забыть жену – вряд ли. Правда, когда Ваня немного подрос и стал внешне очень походить на отца, кое-кто призадумался, но промолчал из уважения к старосте.

Тем более что жизнь в деревне продолжала идти своим чередом. Мужчины рыбачили и охотились, женщины растили детей, работали на огороде, собирали ягоды и делали запасы, чтобы зимой дома было тепло и сыто.

А какие дома были в этих краях! Двухэтажные избы строили из некрашеного дерева без единого гвоздя: лишь местные мастера знали хитрость такого крепления бревен. Сердце дома – глиняная печка особой кладки. Строили с душой и на века, так что и сейчас эти избы можно найти на морском берегу, где жил северный народ. Сколько удивительных историй они хранят! Может быть, и те, что рассказывала Марфа Семеновна маленькому Ване.

В младенчестве Ваня почти все время жил в избе Марфы. Долгими вечерами Марфа Семеновна сидела у прялки с веретеном в руках, а маленький розовощекий мальчик с голубыми глазами завороженно смотрел, как из кудели появляется моток ниток.

– Ладную прялку мне муж подарил. У леса деревце молодое попросил и смастерил своими руками, – рассказывая это, Марфа расплывалась в улыбке.

Гребень прялки был украшен необычным узором:

– Это, внучок, круг жизни. Линии разбивают его на времена года, а внутри – месяцы и дни. Всего триста шестьдесят пять. Много веков назад хозяйка судеб точно так же спряла наш мир, а веретено сладил ее суженый. Поэтому и повелось украшать прялки особыми знаками.

Ваня верил ей на слово, не замечая, как над словами Марфы хихикает старший брат. Рыбник постоянно отлучался, поэтому и Митя часто бывал у соседей. Тем более что он дружил с мужем Марфы Семеновны – дедушкой Мишей.

Михаил Николаевич был высоким сухоньким старичком, сохранившим свою черную шевелюру и молодецкую прыть. Рецепт его молодости, как он сам любил говаривать, заключался в лесной жизни. И, правда, дед Миша почти все время пропадал в тайге. А когда был дома, вырезал для Вани маленькие игрушки из дерева: медведей, лисиц и зайцев, но чаще всего оленей. С ними дедушка Миша был особенно дружен. Очень давно этот старик жил в городе и даже имел какую-то ученость, но потом выбрал простую судьбу и лесные просторы.

Когда дед Миша появлялся в деревне, Митя часами просиживал у него и слушал истории о путешествиях и жизни в больших городах. Однажды Михаил Николаевич обмолвился, что умеет читать и писать, и Митя попросил научить его. Все это сначала отвлекало мальчика от грустных мыслей, а потом стало его миром. Оказалось, что у Мити способности к наукам.

...

Годы шли, сыновья Рыбника росли. Ваня из младенца превратился в славного улыбчивого мальчишку. Ему было пять лет, когда он в первый раз понял, что отличается от остальных детей в деревне.

Дело было в середине осени. Деревья уже переоделись в красно-желтые наряды, моряки вернулись из дальних плаваний, а женщины готовились к зимовке. Работы для братьев не нашлось, поэтому они гуляли с соседскими ребятами. Кому-то из старших надоело бегать по дворам и он предложил идти в лес.

– Но детям нельзя одним ходить, – возразил Митя.

– Мы уже не дети. Я с отцом давно лодку сделал и в море хожу. Это ты только книжки читать умеешь. Трус! – сказал Евсей – ровесник Мити, с которым они воспитывались вместе с пеленок, но, взрослея, отдалились.

– Вот еще. Мне совсем не страшно, – на самом деле Митя ужасно боялся, но не мог допустить, чтобы над ним смеялись еще и из-за этого.

– Докажи! – с вызовом сказал обидчик.

– Я пойду первым! – выпалил Митя, не подумав.

Компания двинулась в лес. Митя жалел о сказанном, но отступить было поздно. Ване он велел оставаться во дворе, но брат не послушался и увязался с мальчишками.

Время было послеобеденное. Ребята рассчитали, что должны вернуться засветло. Но когда зашли в лес, им показалось, что вечер уже наступил. Высокие пушистые ели смыкали кроны, не давая солнечным лучам касаться земли. Сначала дружный хохот заглушал страх, и детвора направлялась все глубже в лес. Митя пробирался сквозь заросли первым, Ваня видел его спину вдалеке.

Кто-то нашел ягоды, и мальчишки остановились полакомиться. Кроме Мити, который все дальше скрывался за деревьями. Ваня собирался проглотить целую горсть, когда услышал жуткий вой.

– Волки! Бежим!

Только что храбрые покорители леса превратились в испуганных мальчишек. Вся компания бросилась наутек, ведь никакого оружия против волков у них с собой не имелось.

Ваня искал глазами Митю – где же брат? Он не мог уйти без него. Кто-то пытался схватить его за руку и потащить за собой, но Ваня вырвался и побежал в чащу леса. Митя сидел на земле, а к нему приближались три хищных зверя. Ваня, не раздумывая, рванул к брату.

– Зачем ты? Теперь вместе погибнем.

Ваня был сильно напуган и, пытаясь защитить себя и брата, направил руки на одного из волков. Что было дальше, сам он не понял, но прыгнувший на них зверь вдруг замер, превратившись в ледяную глыбу. Два других волка, хищно рыча, бросились в атаку. Ваня посмотрел

рел на свои ладони: сквозь них проступило серебристое сияние, а потом хлынул поток изморози. Он снова направил руки на противников, и те покрылись слоем льда.

Митя испуганно косился на брата.

– Как ты это сделал?

– Не знаю, оно само, по волшебству, – Ваня все еще дрожал от испуга.

– Что за глупости! Никакого волшебства не бывает. А ну, покажи!

Ваня покорно дал брату руки, но только что случившееся чудо уже исчезло. Лишь ладони мальчика оставались немного холодными.

– Мы никому не должны об этом говорить! – почти кричал Митя. – Ребятам скажем, что удрали от волков. А взрослым не надо знать, что мы сюда ходили. Понял?

Ваня кивнул.

– Я не знаю, как это получилось. Но я почитаю и найду объяснение. А ты пока молчи, – строго сказал Митя.

Ваня видел, что брат злится, но не понимал почему.

А дело было в том, что Митя разочаровался в волшебстве, когда умерла его мама. Маленький мальчик продолжал верить и просить, даже когда лекарь сказал, что остается надеяться только на чудо. Но однажды, проснувшись, понял, что никто его не услышал. Тогда он решил, что чудеса бывают только в сказочках Марфы Семеновны, и верят в него только дураки. А он-то точно поумнее многих будет, и сможет объяснить любое «волшебство».

Ваня очень хотел рассказать все Марфе Семеновне, но побоялся. Он, должно быть, сделал что-то ужасное, раз брат кричал. Вдруг и бабушка заругает? «Это будет моей тайной», – по-взрослому решил маленький Ваня.

Вот только с каждым годом странностей становилось все больше. Ване нравились морозные узоры, которые покрывают окна зимой. Он любил сидеть на лавке и рассматривать причудливые формы снежинок: каждая была неповторима. «Жаль, что летом их не бывает», – грустил Ваня, водя пальцем по стеклу. Как вдруг увидел, что оно засветилось. Ваня двигал рукой, рисуя снежинку, и она взаправду появлялась! Завороженный этим действием, он не заметил, как в избу вошел Митя.

– Снова ты за свое. Мы же договорились, – голос у брата был раздраженный и немного испуганный.

– Но я хотел увидеть снежинки, а до зимы так далеко. Я смог сделать их сам, смотри, как чудесно! – искренне радуясь, ответил Ваня.

– Это все глупости. Никаких чудес не бывает.

– Бывает! Ты же сам видишь, братик!

– Я вижу, что ты занимаешься какой-то ерундой и меня хочешь втянуть, – грубо ответил Митя.

Ваня отвернулся к окну и захлопал носом. Ему было очень обидно, что брат снова ругает его ни за что.

– Ладно, не плачь, – Митя подошел к брату и обнял его. – Это все очень странно. Я старше, я лучше знаю. Тут не любят чужаков. Тебе нужно быть осторожнее, а то мало ли что.

– Но я ведь без умысла! Оно само! Может, у бабушки про это спросим? – предложил Ваня.

– Не надо, – резко ответил Митя, – она старая и чудная. А потом тихо добавил: – И маме она не помогла.

– Но откуда это у меня? У вас с отцом такого нет. А у мамы было?

Митя вздохнул. Ваня еще не знал, что сын он Рыбнику не родной. Отец почему-то медлил открыть Ване правду.

– Нет, ни у кого. Я про такое никогда не слышал. Поэтому давай это будет нашей тайной. Так для тебя же лучше.

Ваня очень любил брата, который всегда заботился о нем. Раз уж Митя говорил, что волшебство нужно скрывать, так и следовало поступить. С того дня Ваня стал обдумывать каждое свое действие и даже мысль.

«И откуда оно у меня взялось?» – не мог понять Ваня. В сказках бабушки Марфы были колдуны и волшебники, но он-то обычный мальчик.

Ваня рос внешне очень похожим на приемного отца: такой же коренастый, широколицый, с рыжеватой шевелюрой. Вот только глаза у него были необычного голубого цвета и искрились, когда он сильно радовался, злился или пугался. Соседи начали замечать эту странную особенность, и, так как Рыбник разговоров о приемном сыне избегал, потихоньку шептались у него за спиной.

Сам Рыбник много раз собирался поговорить с Ваней, чтобы не вышло беды. Да только начни он свой рассказ, придется выкладывать все. А вдруг Ваня решит, что отец сошел с ума?

Но все случилось само. Ване в ту пору исполнилось семь лет.

Однажды утром Рыбник отправил Ваню с поручением к кузнецу, жившему на другом краю деревни. Предстояло везти товар в город, а спица в колесе, как назло, прохудилась. Ваня знал, что отец будет свежевать добычу, а потому был рад оказаться подальше от дома. Он медленно шел, подставляя лицо приветливому весеннему солнышку, и незаметно для себя оказался у кузницы. Дверь была не до конца закрыта, и Ваня сразу понял, что у хозяина другой гость. Решая, войти или подождать, мальчик случайно услышал разговор мужчин:

– Рыбник говорит, что на берегу мальчишку нашел, да больше и ничего. Но разве так бывает, чтобы дети из ниоткуда появлялись? – тихо произнес кузнец.

– В то лето, когда мы ходили Чудо-остров искать, попали в ледяной плен. Тянули корабль несколько дней, выбились из сил. Тогда-то Рыбник и пошел один искать спуск на воду и не вернулся. Мы уж думали, пропал капитан, а потом нашли его, значит, в бреду. Решили, что головой ударился, потому что все бредил он каким-то замком и ребенком. Я на берегу спрашивал потом про это. Только головой качает, мол, не помнит ничего, – Ваня по голосу узнал моряка из команды Рыбника.

– Странный этот Ванька. Я давеча видел, как у него глаза заискрились.

– Почудилось, наверное.

– Почудилось, не почудилось, но я своим сказал держаться от него подальше.

Больше Ваня уже ничего не слышал. Он понял только одно: мужчины обсуждают его. И значит, он – не родной сын, а какой-то подкидыш. Мальчик рванул домой со всех сил, смахивая ладонью выступившие слезы. Рыбника застал во дворе, свежую тушу песка. От этого занятия его обычно подташнивало, и он сразу уходил, но на этот раз чувства, переполнявшие его изнутри, пересилили отвращение.

– Отец... – начал Ваня и тут же осекся. – Почему ты не рассказал мне?

Рыбник положил нож и нахмурился. Староста догадался, что разговоры, которые он старался остановить, все-таки дошли до Ваниных ушей. Теперь объяснение было неизбежно, но он решил выяснить, что именно уже известно Ване.

– Кто и что тебе сказал? – спросил Рыбник, стараясь выглядеть спокойным.

– Я случайно услышал разговор. Кузнец сказал, что ты нашел мальчика на берегу и взял его себе. Этот мальчик – я, – Ваня дрожал, его глаза начали светиться.

Рыбник смотрел на приемного сына испуганно. Ваня поймал этот взгляд и, поняв, что не может обуздать свои силы, бросился бежать. Рыбник что-то кричал ему вслед, но Ваня уже был далеко.

Ноги сами принесли мальчика на берег подальше от деревни, где он любил гулять в одиночестве. Большая вода успокаивала, когда становилось грустно. Он мог поклясться, что волны бьются о берег так же, как и его сердце внутри. Ваня вытер слезы.

«Интересно, если вся вода связана, как говорит Митя, то станут ли мои слезы океаном?» – спросил он сам себя. В ответ море омыло его голые пятки. Ваня любил ходить босиком, и даже в мороз совсем не чувствовал холод. Но брат уговорил, что негоже это. Поэтому каждый день Ване приходилось надевать лапти или кожаные сапожки, слаженные бабушкой Марфой. Но оказавшись с собой один на один, он сразу разулся.

Ваня бродил по берегу много часов, когда вдруг услышал знакомый голос. Из-за деревьев показался дедушка Миши.

– Ты чего тут, внучок, один в такой поздний час? – спросил дед Миша ласково.

– Я слышал, как кузнец рассказал про мальчика. Того, что Рыбник нашел на берегу... Этот мальчик – я, – выпалил Ваня, снова начиная плакать.

– Ну-ну. Давай-ка пойдём к нам...

Дед Миша осторожно приблизился к Ване, словно собирался приручить дикого зверя, и погладил его растрепанные волосы. Мальчик бросился к деду и прижался, как к родному, а потом послушно вложил свою детскую ручку в большую ладонь, протянутую мужчиной. Хоть Ваня и рос на Севере, где рано взрослеют, и был наделен огромной силой, пока что он был простым ребенком.

В избе Марфы Семеновны ему сразу стало спокойнее. Пока Ваня уплетал похлебку, дед Миша отправился коротко переговорить с Рыбником. Но в соседской избе застал только Митю, читающего книжку.

– Михаил Николаевич, – обрадовано приветствовал гостя Митя.

– Отца, вижу, нет.

– Ушел в соседнюю деревню по срочному делу.

– Нечего одному сидеть, пошли к нам. Марфа пирог затеяла, да и Ваня у нас. Только вот что, – и дед Миша коротко объяснил мальчику переживания Вани.

За ужином братья почти не говорили. Ваня, уставший, почти сразу уснул на лавке, а Митя обсуждал с дедом прочитанные книги. Рыбник вернулся наутро. Ваня уже проснулся и работал во дворе. Он не увидел, как приемный отец подошел к нему и ласково сказал:

– Ваня, ты мне дороже родного. Я не знаю, кто твои родители по крови, но ты мой настоящий сын. Ты, как и я, станешь хорошим моряком. Небеса послали мне тебя.

Ваня подбежал и обнял отца. Он больше не сердился. Он знал, что отец немногословен, и ему непросто было сказать все это.

Слышал Рыбника и Митя. «Дороже родного», – повторил он про себя и зашел за избу. Он очень старался, чтобы отец полюбил его так же, как старших братьев. Но даже приемный сын оказался ему важнее. Видно, любовь Рыбника мог заслужить только моряк. Но Митя мечтал о другом.

Несколько лет назад по торговым делам в деревню приезжал знакомый отца – купец из города. Мужчине нужно было написать несколько бумаг, а писарь, как назло, заболел. Ругаясь, купец уже собирался сделать все сам, когда Митя вызвался помочь. Взрослые согласились, скорее, чтобы не расстраивать Митю, но брат справился отлично и удивил всех.

– А ты расторопнее моего мальчишки. Как отблагодарить тебя? – спросил купец Митю.

– Я уже прочитал все книги соседа. А новых взять негде.

– Книг с собой у меня нет, но я передам тебе с обозом.

Митя сердечно поблагодарил купца и не отходил от него ни на шаг, пока тот не уехал из деревни. Ваня тогда увязался за братом провожать обоз до большой дороги, а когда они возвращались обратно, обычно сдержанный Митя неожиданно закружил Ваню, а потом сказал:

– Когда-нибудь и я уеду в город и стану большим человеком. Тогда отец поймет, что важна не только сила!

Купец слово сдержал и передал Мите несколько весьма ценных книг. А потом возвращался каждый год и пополнял библиотеку мальчика. В это лето он тоже должен был приехать.

После того, что отец сказал Ване, Митя окончательно решил: он уедет.

– Мне уже почти пятнадцать лет. И тут мне делать нечего. В городе я устроюсь на работу писарем, – сообщил он о своем решении отцу.

И Рыбник отпустил сына без сожаления. Он понимал, что в городе для Мити откроется больше возможностей. Да и ему мозолить глаза не будет. Так Митя и уехал из деревни в большой город с первым обозом.

Глава Третья: Не такой, как все

С отъездом Мити окончательно закончилось и детство Вани. Только теперь он понял, как много работы выполнял брат: прибирался в избе, следил за огородами. В деревне у каждой семьи, кроме обычного огорода рядом с домом, где сажали картошку и другие овощи, был еще и морской огород. Участок воды недалеко от берега огораживали сетками, постоянно перемещая их, чтобы при удачном направлении ветра наловить побольше рыбы. Семгу и горбушу солили, морозили, а потом отправляли на продажу, зубатку ели сами. Раньше главным помощником Марфы Семеновны, с которой семья Рыбника вот уже много лет делила хозяйство, был Митя. Теперь его место занял Ваня. Кроме огорода, он стал помогать бабушке готовить, убирать и ходить за ягодами.

В этот же год Рыбник решил, что Ване пора строить свою первую лодку – уж восемь лет парню! Мите эта наука так и не далась, и суденышко вышло кривобокое. Но Ваня не оплошал. Он внимательно слушал, что говорил отец, и через несколько дней лодка была готова.

– Осталось просмолить дно, чтобы не протекала, и можно плыть. Ладная вышла! – похвалил сына Рыбник. – Далек, правда, на такой не уплывешь. Но где лодка, там и корабль. Я научу тебя всему, что знаю, и однажды мы вместе отыщем Чудо-остров!

– Чудо-остров? Тот, про который рассказывала бабушка Марфа?

Сердце Вани бешено заколотилось. Когда он впервые услышал легенду о волшебном острове, его будто накрыло теплым лоскутным одеялом Марфы Семеновны. Он не мог объяснить

своих переживаний и никогда ими не делился. Но теперь, когда Рыбник заговорил об острове, он снова почувствовал с ним какую-то связь.

– Отец, а разве остров существует на самом деле?

– Конечно, я даже на старых картах отметки нашел. Только в легенде умолчали, что за сокровища на этом острове. А то бы давно туда все ринулись, – Рыбник говорил тихо, хоть на берегу не было ни души.

– И что же там? – спросил Ваня с надеждой.

– Зверь и рыба. Да столько, что нам и не снилось, – торжественно заявил Рыбник.

– Но что же в этом чудесного? В легенде ведь совсем не про это, – Ваня был расстроен.

– Есть досыта и жить, как вздумается. Разве не чудесно? – засмеялся Рыбник.

– Отец, а ты бывал на нем?

Рыбник хотел было рассказать Ване все, что произошло в то лето, когда он нашел его на берегу. Но сразу передумал.

«Один уже возомнил себя ученым. Чего доброго, этот решит, что он колдун, как в сказочках Марфы. Будет, как она, за ветром гоняться или еще какую ерунду выдумает. Чего люди-то скажут? Пусть лучше делом занимается», – решил Рыбник.

– Нет, не бывал. Спрятался он во льдах, там, куда Полярная звезда ведет, – и Рыбник принялся рассказывать сыну, как ориентироваться в море по звездам.

Первое лето без Мити пролетело незаметно: Ваня вставал за светом и вечером засыпал, не чувствуя ног. Когда отец уезжал по торговым делам, Ваня ночевал в избе один, хотя бабушка и звала его к себе. Он хотел заслужить одобрение отца, показав, какой он взрослый и смелый. Но главное – в одиночку он мог изучать свою растущую с каждым днем силу. Так Ваня узнал, что может не только замораживать предметы или создавать морозные узоры, теперь у него выходил настоящий снегопад! Ваня поднимал руки, и вот уже прямо над его головой появлялась стайка снежинок, а потом, повторяя движение его ладоней, кружилась в задорном танце. Ваня весело смеялся и ловил их открытым ртом. Ему так хотелось разделить свое волшебство хоть с одной живой душой, но он обещал Мите, что до его возвращения сохранит тайну.

Чтобы не сболтнуть или не сделать лишнего, Ваня стал реже играть с соседскими мальчишками. Летом и осенью он почти все время был занят с отцом или Марфой, но с приходом зимы, когда взрослые дела закончились, Ване стало особенно сложно оставаться в стороне от общих забав. И одним морозным утром он все-таки не устоял и отправился вместе со всеми играть в снежки.

Снега в ту ночь выпало так много, что решено было построить башню. Дружно катали шары и ставили один на другой, а потом укрепляли. Работа кипела, мальчишки обсуждали, как здорово у них выходит. Ваня был частью большого общего дела и чувствовал себя бесконечно счастливым.

Снег вокруг строения вытоптали быстро, и Ваня, заметив это, взял санки и пошел чуть поодаль, чтобы скатать заготовок для башни, а потом отвезти их к месту строительства. Он никого не предупредил, поэтому несколько мальчишек решили, что он ушел совсем. Ваня вернулся со стороны башни, которая была почти достроена, так что ребята не увидели его и продолжили свой разговор:

– ...какие-то оборванцы бросили его на берегу, а Рыбник подобрал. Будто ему Мити мало было.

– Откуда ты знаешь?

– От матери. Она сказала, что люди в здравом уме детей не бросают. И Ванька точно пошел в этих оборванцев, поэтому...

Мальчик не успел закончить, Ваня появился прямо перед ним. Глаза его сверкали от гнева. Иван скатал небольшой комок и бросил в обидчика. Вот только комок в его руках обледенел и стал тяжелым, как камень. Ваня не понял этого и начал катать следующие. Мальчишки не растерялись и принялись отстреливаться – их больше, что им сделает Ваня в одиночку? Но каждый снежок Вани был, как булыжник, и больно ранил противников. Когда один из мальчишек заплакал, Ваня увидел кровь. Ледяной комок попал задире прямо в голову. Ваня посмотрел на свои руки и оторопел от ужаса. Он понял, что натворил.

– Я все родителям расскажу! – крикнул мальчик, из-за которого и началась драка. – Ты ненормальный.

Они кричали что-то еще, и Ваня почувствовал, как внутри все холодеет. «Если я сейчас направлю на них руки, то будет, как с волками», – решил он и бросился бежать, но не домой, а к бабушке Марфе. Если кто и поймет его, то только она.

– Почему я такой? – выпалил Ваня с порога.

Марфа Семеновна сидела у прялки с веретеном в руках и что-то напевала. Она будто и не слышала Ваню и, как обычно, приветливо улыбнулась.

– Заходи, внучок, чаю попьем.

– Я не хочу чаю, мне страшно. Я плохой.

– Ты мог сделать что-то плохое, но это не значит, что ты плохой. Расскажи мне, что случилось.

Ваня рассказал о подслушанном разговоре, и как снежные комья обледенели в его руках.

– Я хотел, чтобы он замолчал, я хотел ударить его. Я даже рад, что ему больно, – с вызовом прокричал Ваня, заканчивая свой рассказ.

Марфа Семеновна перестала улыбаться и теперь была очень серьезной.

– Тебе дана большая сила. И каждый день она будет расти, – наконец произнесла старушка.

– Так ты все знаешь? – удивился Ваня. – Но почему не сказала мне?

– Всего не дано знать никому, – коротко ответила Марфа, хотя Ваня надеялся услышать подробное объяснение.

– Почему вы всегда все скрываете от меня? – рассердился Ваня. Марфа не ответила. – Но хотя бы скажи, эта сила плохая? – голос его дрожал от волнения.

– Это зависит от тебя. Когда ты боишься, сердиться и желаешь кому-то зла, сила может только разрушать. Но если ты любишь, радуешься и с благодарностью принимаешь, что дает жизнь, она может создать много чудесного. Такая сила есть в каждом из нас, но в тебе ее гораздо больше. И тебе предстоит научиться жить с ней в ладу.

– Но как?

– Помнишь, я рассказывала о ветрах? Все они при рождении были братьями и сестрами, и летали единой стаей. Но потом разделились, и каждый обрел свой характер. Один стал вспыльчивым, другой мягким. Теперь вот дуют друг другу наперекор и спорят, кто важнее. Но они до сих пор – одно целое. Люди, как ветра.

– Я все равно не понимаю.

– Тебе нужно обрести свой характер. Но помнишь, что ты связан со всеми. И быть собой во благо всех.

– Отец прав, ты всегда говоришь загадками и несешь какую-то ерунду, – рассердился Ваня.

– Прости, я не могу объяснить все, ты должен разобраться сам.

– Но откуда у меня эта сила? Кто мои родители? Почему они меня бросили? Ты знаешь? – мальчика трясло от переполнявших его чувств. Он смотрел на бабушку, ожидая получить ответы, но Марфа молчала. От бессилия Ваня заплакал и сел в угол.

Марфа Семеновна ничего не сказала, она подошла и хотела обнять Ваню, но он резко оттолкнул ее. Женщина печально посмотрела на мальчика.

В тот же вечер пострадавший, но больше обиженный противник Вани рассказал все матери, а та за ужином пожаловалась мужу:

– Ты должен сделать что-то. Он побил нашего сына! – настаивала мать мальчика.

В этих краях женщины поровну делили с мужчинами тяжелый труд и потому высказывались наравне с мужьями. Бывали тут и случаи, когда женщину избирали старостой: мужики почти все время в море, а дела деревни решать кому-то да надо. Но хозяйке этого дома такого

доверия было не заслужить, мало кто общался с ней из-за дурного нрава. Муж привез ее из соседней деревни, прельстившись красотой, а потом уж поздно было идти на попятную.

– Не мели ерунду. Мальчишки подрались, обычное дело. Сами разберутся. Не буду с Рыбником ругаться, он много раз нам помогал, – ответил мужчина жене. А потом повернулся к сыну:

– Иди-ка сюда. Признавайся, задираешь Ваню?

Мальчик захныкал. Он понимал, что наказан справедливо, нечего было обсуждать соседа. Тем более, никто из них толком не понял, что произошло.

– Я сказал, что он подкидывал. А он превратил снег в лед и начал бросать в нас, – всхлипывая, признался мальчишка.

– Сам нарвался, за это и поколотили. Еще и какую-то ерунду придумал: как снег мог превратиться в лед?

– Я не знаю, но было больно.

– Вот, будешь теперь знать, как языком молоть. Весь в мать.

На этом разговор закончился. Обиженный мальчик проревел весь вечер, а поутру получил строгий наказ от матери не приближаться к «этому дурному». Ваню с тех пор больше никто не звал играть. История о странном происшествии разошлась по дворам быстрее, чем летел ледяной комок, угодивший мальчишке в голову.

Ваня и сам стал еще сильнее сторониться людей, и все ждал приезда брата. Он знал, что в городе Митя прочитает много новых книг и, может быть, найдет объяснение его странностям.

Митя приехал примерно через год после того, как покинул деревню. Рыбник знал о планах Мити, но все равно ушел в море. Он решил, что сын придет еще не раз, а хорошую погоду упускать нельзя.

Поэтому Митю встречали только Ваня и бабушка. Пока Марфа Семеновна накрывала на стол, Ваня слушал о жизни брата в городе.

– Там все по-другому и все – другие. У хозяина большая библиотека, я прихожу в любое время.

– А про мои способности ты узнал что-нибудь? – спросил Ваня шепотом.

– Опять ты за свое, ерунда все это. Смотри лучше, какие «козули» тебе привез с ярмарки.

Ваня сначала рассердился на брата, ведь тот не хотел говорить о самом главном. Неужели он зря прождал весь год? Но вид фигурного пряника отвлек его.

Откусив сладкое угощение, он попросил:

– Расскажи еще про ярмарку.

– Скоро сам все увидишь! Хотел сперва у отца разрешения просить свозить тебя в город. Но, думаю, он не будет против, – немного неуверенно произнес Митя и покосился на Марфу Семеновну.

Женщина кивнула и сказала:

– Правильно, езжайте. Я и за хозяйством пригляжу, и с Рыбником поговорю, как вернется.

И братья поехали. В пути предстояло провести около недели. Мите нужно было заехать в несколько деревень по поручению купца, у которого он был на службе. А потом уже вернуться в город. Ваня радовался предстоящему приключению и возможности побыть с братом.

Ранним утром выехали на большую дорогу, Ваня впервые покидал деревню и очень волновался. Но поговорить с Митей с глазу на глаз не вышло. Оказалось, что с ними отправится еще и провожатый, как сказал брат, для безопасности. Старшие обсуждали какие-то дела, а Ваня, закутавшись в теплый тулуп, смотрел по сторонам, боясь пропустить что-то важное. Иногда ему разрешали взять вожжи, и тогда уж его счастьем не было предела!

Для Вани дни дороги и привалов слились в один бесконечный. Вначале он старался запомнить названия деревень и постоянных дворов, но потом перестал их различать. Он понял лишь, что мир намного больше, чем ему казалось.

После очередного привала предстояло ехать весь день и всю ночь, чтобы наутро оказаться в городе.

– Поспи, скоро дорога ровно пойдет, трясти не будет, – сказал Митя сонному брату.

Но Ваня упрямо смотрел вперед: вдруг они окажутся в городе раньше, а он это пропустит? Летом ночь в этих краях будто и не наступала вовсе, небо оставалось белым, как шерстка зайца зимой. Ване казалось, что день длится без конца, а значит, он легко справится совсем без сна. Но под утро он все-таки сдался на уговоры и прилег. И сразу уснул.

Открыв глаза, Ваня понял, что телега стоит, но Мити рядом нет. Вдобавок к этому живот вдруг требовательно заурчал, а последние припасы они съели еще вчера. Чтобы отвлечься от мыслей о еде, Ваня стал изучать, куда же они приехали. Телега стояла возле небольшого домика, а вдалеке были слышны веселые голоса. От любопытства Ваня начал подпрыгивать, чтобы посмотреть, что же там, но ничего не смог различить. Оставить телегу он не решался, поэтому покорно дожидался старшего брата.

Митя появился через несколько минут с теплым пирогом:

– Проголодался?

Вместо ответа Ваня начал уплетать за обе щеки. И, уже дожевывая последний кусок пирога, решил узнать у Мити, что там за шум.

– Сейчас сам все увидишь. Словами не передать.

Лошадка тронулась с места и Ваня, жадно смотревший вперед, даже немного привстал в телеге, чтобы лучше все рассмотреть. Сначала он увидел огни и людей – много людей. Наверное, если собрать всю их деревню, все равно получилось бы меньше. Потом он заметил прилавки, заваленные товарами, и понял, что это и есть ярмарка, про которую рассказывал Митя. Братья спешили и принялись ходить по торговым рядам.

Один прилавок поразил его больше всего. Дома в деревне у них имелось несколько сундуков, отец хранил в них одежду и старые карты. Были сундуки и у бабушки Марфы, но он никогда не видел таких. Ваня сначала не смог поверить своим глазам и несколько раз моргнул, а потом еще ближе придвинулся к чуду, завораживающему его. Прямо на сундуках оживали волшебные морозные узоры, как на окнах зимним утром. Ваня часто любовался ими и изучил каждую завитушку. Иногда, когда никто не видел, он повторял их на окнах сам. Только здесь узоры были не изо льда, а из металла.

Ваня осторожно потрогал одну маленькую шкатулку, чтобы убедиться, что узор нанесен не краской сверху, а проступает изнутри, а потом внимательно посмотрел на человека за прилавком. Тот разговаривал с другими мужчинами и не сразу заметил любопытного мальчишку.

«Неужели он создает их? Значит, у него тот же дар, что и у меня. И он смог бы объяснить, что делать с моими странными способностями», – думал Ваня, не отпуская руки от шкатулки.

– Что, малец, понравилась моя работа? – спросил освободившийся хозяин прилавка.

– Очень! Это же волшебство, да? – выпалил Ваня, не думая, чем очень рассмешил мужчину.

Ваня хотел расспросить мастера подробнее, но внезапно нависший над ним Митя напомнил, что никакого волшебства не существует.

Оказалось, что брат знает мастера Афанасия Никодимовича. Это был невысокий крепкий мужчина, примерно одного возраста с отцом, но в отличие от Рыбника, сразу располагающий к себе. Афанасий Никодимович имел удивительную способность – улыбаться каждому прохожему и радоваться мелочам, словно ребенок.

Митя немного поговорил с мастером о торговых делах, а потом увел брата к лавке с леденцами. Первая в жизни конфета Вани оказалась на вкус еще лучше, чем выглядела. В деревне мальчик иногда лакомился медом и ягодами, но подобных сладостей у них не водилось. Да и не каждый городской родитель мог побаловать ребенком такой роскошью, привезенной издалека. Крепко держа сахарного петушка, Ваня молча следовал за братом и разглядывал прилавки с незнакомыми товарами. Все пестрело, звенело, резало нос непривычными ароматами. Столько удивительного Ваня не видел никогда, но все же ничто не могло сравниться с чудесными шкатулками и сундуками. Когда братья покидали ярмарку, Ваня воспользовался тем, что Митя отлучился купить кое-какие вещи для отца, и побежал еще раз взглянуть на чудесные работы мастера. Афанасий Никодимович сразу заметил мальчика и его искренний интерес и, улыбаясь, сказал:

– Приходи в подмастерья, как подрастешь немного.

Через неделю, вернувшись в деревню с обозом, Ваня не мог скрыть своих чувств и рассказал отцу, что хочет учиться у мастера. Он и не думал обижать Рыбника, но тот просто взорвался:

– Только на тебя вся надежда осталась! Вот не думал, что выращу еще одного сына, который захочет заниматься глупостями, а не настоящим делом!!! Незачем тебе было в город ехать.

Ваня стоял пристыженный. Он не хотел разочаровать приемного отца и стал стараться еще сильнее. А Рыбник твердо решил, что если уж он потерял старших сыновей, а Митя вырос ни на что негодным, то Ваня непременно пойдет по его стопам.

Остаток лета Ваня провел при отце, обучаясь морскому делу. Он стал хмурым и молчаливым, так что и не узнать было того озорного мальчишку, который совсем недавно играл со снежинками.

Марфа Семеновна видела, как тяжело Ване. Замечал это и дед Миша. Он многое повидал на своем веку и, хоть и знал объяснения некоторых природных явлений, не разуверился в чудесах. Он замечал, что Ваня растет необычным мальчиком, но привык, что с детьми занимается Марфа. Когда же Ваня начал взрослеть и отдаляться от них, он забеспокоился и однажды прямо спросил у жены:

– Почему ты не поможешь ему, Марфа?

– Не могу, Шелонник не велит, – отвечала женщина. Шелонником она называла юго-западный ветер. У каждого из ветров было свое особое имя и свой характер. У Шелонника – самый своенравный. – Если я влезу, то не стать ему тем, кем предрешиено. А тогда неизвестно, что будет с этим миром.

– Но Марфа, он еще мальчик, и ему очень тяжело. С такой силой можно много дров наломать. Не простит потом себя и нас.

– По-настоящему сильный человек тот, кто не жалуется на судьбу и умеет прощать, – ответила мужу Марфа.

– Тебя не переспоришь, – пожал плечами Миша.

– Вот и Шелонник на дурной нрав жены жалуется. Сколько он не запрещает, Моряна по-своему поступает.

– Не знал, что у ветров есть жены, – немного подтрунивая над Марфой, сказал Михаил Николаевич.

– Много чего еще не знаешь, любимый. В ученых книгах твоих забывают о самом важном, – заворчала женщина, а потом примирительно добавила: – Но ты уже знаешь больше, чем многие. Лес тебя учит, он и привел тебя ко мне.

Они оба вспомнили, как много лет назад встретились на опушке. Она только что искупалась и нагая, с распущенными волосами танцевала с ветром. А он, молодой натуралист, приехавший исследовать природу Севера, сидел у воды и не мог оторвать глаз. Он навсегда остался

в деревне и женился на Марфе. Своих детей у пары не было, но Марфа всегда возилась с соседскими. Жили Марфа и Михаил душа в душу. Иногда муж пытался вразумить жену, но всегда убеждался, что Марфа мудрее его и во всем в итоге оказывалась права. Вот и в этот раз он решил дальше с ней не спорить, а помочь Ване по-своему. Надо было только, чтобы представился подходящий случай.

...

Ветрам доверяла не только Марфа Семеновна. Судьба северного народа зависела от ветров, поэтому люди научились безошибочно определять их характер. Вот и Рыбник обучал Ваню этой премудрости:

– Северный ветер Моряна загоняет рыбу в наши огороды. А восточный Сток и юго-восточный Обеденник способны натворить таких дел, что хлопот не оберешься. А уж на большой воде от направления и силы ветра зависит судьба всего твоего похода.

С тех пор, как Ваня побывал на ярмарке, прошло три года: мальчик превращался в юношу. В свои двенадцать лет ростом он уже почти догнал Рыбника, а работа на берегу и учеба на корабле сделали его крепким и выносливым. Вместе с отцом он рыбачил и готовился стать помощником на «Чайке».

В начале лета Рыбник отправился к ближайшим островам и первый раз взял Ваню с собой. Ваня смотрел вперед и светился от гордости. Ему казалось, что «Чайка» уносит их в далекие неизведанные края. Он старался делать все, чему учил отец, быстро выполняя поручения старших. Матросы довольно улыбались и кивали Рыбнику – мол, хорошая смена подрастает.

Ване нравился корабль, его не пугал ветер и холод, и он мог бы померяться силами со взрослыми мужчинами. Но в ту поездку ему пришлось столкнуться с другой стороной дела отца. Ваня знал, что отец – охотник, и из поездок привозит добычу на продажу. Но до этого ему никогда не приходилось бывать на охоте самому.

В этот раз Рыбник с командой отправились к лежбищу моржей. Корабль подплыл к небольшому острову, сложенному из нескольких льдин. Ваня помогал затаскивать судно на берег, работая наравне со всеми. Поэтому, решив, что мальчишка готов, Рыбник велел идти за ним. Вооружившись длинными палками с острыми наконечниками, отправились к месту, где в это время животные грелись на солнышке. «Прямо как коты во дворе», – подумал Ваня. Ему было приказано смотреть и учиться, как действуют опытные охотники. Но когда первое копые попало в животное и морж застонал, Ваня отвел глаза и закрыл уши, а потом вовсе убежал на корабль, чтобы только не видеть и не участвовать.

Мужчины были так заняты, что не заметили переживания Вани, но он сам признался отцу:

– Отец, мне было так жалко моржа, что я сбежал. Я не смогу убивать их. Можно я буду только помогать на корабле и рыбачить?

Рыбник очень гордился смелым и проворным сыном. Ему не хотелось думать, что Ваня в чем-то оплошавает: соседи засмеют наследничка. Поэтому ответ последовал резкий:

– Со временем эти детские глупости пройдут.

Но потом все же объяснил:

– Пойми, мы живем у моря не потому, что нам это нравится. Мы им кормимся. А морской зверь ценится больше, чем рыба. Однажды ты станешь капитаном «Чайки», и от твоего улова будет зависеть судьба деревни.

Ваня кивнул, но туши убитых животных старался все же обходить стороной. Благо, и Рыбник пока не стал заставлять его, решив, что мальчишке еще нужно подрасти.

В следующее плавание Ваню с собой не взяли. Рыбник с командой отправился далеко на восток, а Ваня остался за старшего в огороде. С делами он управлялся быстро и хорошо, друзей у него не было, а потому большую часть времени он был один. Митя изредка присылал ему письма, так Ваня с помощью дедушки научился читать и писать ответы. В один из вечеров, когда они готовили послание, Михаил Николаевич позвал Ваню с собой в лес.

– Мир не из одного моря состоит, познакомлю тебя со своим, – подмигнул он Ване.

Марфа одобритительно кивнула, и бусинки в ее волосах задорно зазвенели:

– Я тут и сама пару дней управлюсь, не впервой.

В последние годы Ваня отдалился от бабушки с дедом. Особенно сложно ему приходилось с Марфой Семеновной, которая что-то знала про его способности, но будто намеренно не хотела помогать. Он обижался на нее и старался избегать, но оттаивал, когда вечером после долгого дня она встречала его вкусной ухой и пирожками.

«Все лучше, чем взаперти сидеть. Только бы не сделать чего худого», – подумал Ваня, вспоминая встречу с волками.

– Миша такими тропами ходит, что никакой хищник не учует, – будто услышав его мысли, сказала Марфа.

– А я и не боюсь хищников, – стараясь казаться уверенным, ответил Ваня.

– Это зря. Разумный страх – хорошая вещь. А в лесу всякое бывает. Пойдешь с дедом?

– Пойду, – согласился Ваня.

– Вот и правильно.

Ночью Ваня плохо спал и даже немного жалел, что согласился идти. Чего он там не видел? Сам уже за дровами ходит. Но когда оказался в лесу вместе с дедом, сразу понял, что ошибался. На тропах старого лесника Иван разглядел лес новыми глазами. Хвойные деревья хоть и высились в небо, сквозь голые стволы все было видно на много шагов вперед. Под ногами мягкий мох и невысокая трава, в которой кое-где спрятаны ягоды. Успевай головой вертеть и вовремя нагинаясь. Да еще и дед Миша рассказами развлекает. Михаил Николаевич рассказал Ване, что некоторые деревья помнит еще небольшими ростками, а другие, наоборот, намного старше его. Больше всего Ваню поразила старая ель. Часть ее ствола была черной, с дыркой посередине, но дерево все равно продолжало жить.

– Ель эта горела много раз. Другие деревья погибали, а она выживала. По стволу можно узнать, сколько раз горел лес вокруг, – объяснил старик, видя любопытство Вани.

– Дед, а почему остальные деревья умирали, а это выжило? – спросил Ваня.

– Счастливый случай. А, может быть, одним дается больше силы, чем другим, – немного подумав, ответил старик.

– Бабушка Марфа тоже так говорит. Правда, про людей, а не про деревья.

– Все мы – одно целое. Люди, животные и даже растения. И должны соблюдать равновесие. Не брать больше, чем нужно, и обязательно отдавать. Срубил деревья, чтобы избу построить – посади новые. Убил животное, когда был голоден, помоги другим, когда сыт.

– Но вот отец, он только убивает и продает. Значит, это плохо? – спросил Ваня, слегка запинаясь.

– Это не очень хорошо, – после долгого молчания ответил старик, а потом добавил: – Но для него и многих это – единственный способ прокормить себя и семью. Пойдем, уже темнеет, а нам нужно дойти до избушки. Там и заночуем.

Избушка стояла прямо в лесу и была такая маленькая, что Ваня подумал: они точно в нее не поместятся. Но внутри оказалось достаточно места, чтобы разместиться на ночлег. Тем более, что спать они отправились не сразу, а долго сидели у костра. Дед Миша рассказывал о своих приключениях, которых за всю жизнь набралось немало.

И Ваня вдруг понял, какой дед счастливый человек:

«Вот он-то точно на своем месте и ни от кого не таится», – думал Ваня, засыпая.

В деревне он привык вставать засветло, поэтому на следующее утро, открыв глаза, даже удивился, что проспал так долго. Видимо, дело в особом лесном воздухе, о котором говорил дед Миша. Самого Михаила Николаевича в избе не оказалось. Ваня за него не беспокоился – в лесу дед, как дома, видно, ушел по своим делам.

Ваня отыскал в котомке лепешку, которой сейчас был особенно рад, собрал полную кружку ягод и принялся жадно все уплетать. На душе было удивительно легко, и он принялся напевать слова, откуда-то взявшиеся в его голове:

*Давным-давно,
Белым-бело
Стелился снег
Тропой витой.*

*Он укрывал
Тот дивный сад,
Где жили мы
Судьбой одной...*

Ваня так увлекся, что не сразу заметил деда. Михаил Николаевич нес кого-то на руках, а оно тряслось и стонало. Ваня вскочил с места и подбежал к старику. На руках у деда Миши был олененок, к одной из его ножек мертвой хваткой прицепились металлические челюсти.

– Охотники поставили, – объяснил дед Миша, глядя олененка по голове, – сейчас снимем аккуратно.

– Но отец говорил, что на маленьких не охотятся, – с волнением произнес Ваня.

– Он случайно попал, вместо мамы. Олениха меня заметила и отбежала сначала, но потом признала. Обещал ей, что сделаю все возможное.

– Как обещал? Разве они понимают? – удивился Ваня.

– Понимают. Но об этом потом. Ты, давай-ка, котомку мою принеси, инструменты нужны, чтобы эту заразу снять да рану перевязать.

Ваня послушался, решив, что расспросит потом. Дед Миша аккуратно положил олененка на землю:

– Держи его, чтобы еще больше не поранился, – сказал он Ване.

Ваня сел рядом с оленем и крепко прижал его к себе. Ему было так жаль малыша, что он ласково прошептал ему на ухо:

– Все будет хорошо.

Олень уткнулся в лицо Вани своим мохнатым носом и засопел, будто жалуясь.

Когда ловушка была снята, кровь из раны засочилась еще сильнее. Дед Миша завязал заднюю ногу оленя своим запасным бельем.

– А теперь нужно идти в деревню.

Дед Миша объяснил, что каждый миг на счету, нужно скорее доставить олененка домой. У Марфы нужные травки припасены, они остановят заражение.

Ваня сам вызвался нести оленя. Он был моложе и крепче деда, значит, и доберутся они быстрее. Возвращались другой, более короткой дорогой, и скоро оказались в деревне. Марфа Семеновна уже ждала их и, ничего не спрашивая, принялась помогать зверю. Ваня не знал, чем помочь, а потому просто гладил олененка по голове и повторял:

– Ты обязательно поправишься и будешь самым резвым оленем среди всех.

Ване казалось, что олененок понимает его. Зверь начал дышать спокойнее и через какое-то время уснул. От усталости Ваня тоже задремал прямо на сеновале с головой оленя на коленях.

– Разбудим его? С утра ведь ничего не ел, – спросил жену Михаил, – да и спать тут неудобно.

– Рядом с другом везде удобно. Даже не знаю, кому из них больше повезло: олененку или Ване.

Следующие дни Ваня проводил с оленем, изредка отлучаясь на огород. Рыбник должен был вернуться только с первыми холодами, поэтому Ваня мог спокойно выхаживать животное. Юноша знал, что отец не понял бы его и, пожалуй, даже запретил тратить время на такую ерунду.

Своего нового друга Ваня назвал Резвый. Резвый быстро приходил в себя и скоро смог вставать и ходить. Ваня был рядом и, когда никто не видел, устраивал маленький снегопад. Олененок нюхал снежинки и ловил их высунутым языком, а Ваня радовался, что другу по душе его любимая забава.

Когда пришло время выпускать животное, Ваня с дедом отвели его к лесной избушке. Резвый действительно поскакал, будто никакой травмы и не было.

– Не ошибся ты с именем, внучок, олень-то и правда резвый! – сказал дед Миша, похлопав Ваню по плечу.

– А не надо его подальше отвести? Тут ведь охотники капканы ставят, – забеспокоился Ваня.

– Здесь не ставят. Сюда просто так не попадешь, тропу знать нужно, иначе кружить будешь.

– Но ты же нашел его тут?

– Нашел я его около большой дороги. Непокойно там становится. Чужаки ходят и так промышляют.

Ваня крепко обнял Резвого – расставаться с другом не хотелось. Олень лизнул его в нос. Ваня еле сдерживал слезы. Он уже взрослый и не может себе позволить разреветься, как мальчишка. Еще и на глазах у деда Миши.

– Не печалься, ему на воле лучше, – поняв настроение Вани, сказал старик. – А если заскучаешь, приходи сюда и позови его.

– А он поймет?

– А сам как думаешь? – хитро подмигнул дед Миша.

Ваня немного сомневался, что олень действительно придет, но решил попробовать. После недели разлуки он отпросился у Марфы и помчался к знакомой избушке. Резвый не подвел и почти сразу явился на встречу с другом. Они немного поиграли, а потом Ваня объяснил, что теперь видеться они будут реже:

– Скоро отец вернется и снова станет учить морскому делу. Но я все придумал. Я попрошу деда иногда брать меня с собой.

Резвый одобрительно фыркнул. Ване нужно было возвращаться, чтобы успеть к закату короткой дорогой. Олень немного проводил его, а потом поскакал обратно. Ваня увидел вдалеке нескольких взрослых оленей и помахал им.

«Его родные, – решил Ваня. – А мои бросили меня. Неужели из-за моих странных способностей? Брат запрещает даже говорить о них, а из бабушки лишнего слова не вытянуть», – внутренне рассердился Ваня. Не в силах сдержать себя, он направил руки на землю. Через миг там образовалась ледяная пластина. Ваня сел на корточки и принялся рассматривать морозный узор. И тут его осенило – морозные узоры на шкатулках, мастер Афанасий Никодимович... Вот, кто точно сможет ему помочь! Но тут же вспомнил про наказ отца даже не думать об этом. Пусть и приемный, но это его отец: «Он-то, в отличие от родителей, не бросил меня на берегу, а значит, я не могу разочаровать его. Нужно просто скрывать свои чувства, а лучше не чувствовать совсем. Тогда и волшебство случайно из рук не вывется», – твердо решил Ваня. Но сколько он ни старался заморозить себя внутри следующие несколько лет, это никак не выходило.

Глава Четвертая: Побег

С тех пор, как Рыбник нашел чудесного мальчика, минуло четырнадцать лет. Иван превратился в высокого юношу, крепкого и широкоплечего. Почти всегда он был серьезен и хмур, только голубые глаза его изредка задорно искрились.

Этим летом Ваня должен был стать частью команды и вместе с остальными мужчинами отправиться в дальнее плавание. Ваня мастерски овладел морским делом и справлялся с тяжелой работой лучше взрослых мужчин. Рыбник, видя это, до поры до времени не заставлял приемного сына обучаться еще и охоте. «В команде найдется, кому со зверем сладить», – рассуждал про себя староста. – А так ловко затащить корабль на льдины не каждый сможет». Рыбник радовался, что Ваня становился его достойным преемником.

А сам Ваня все чаще грустил и вспоминал о волшебном мастере, которого повстречал на ярмарке:

«Мне непременно нужно попасть в город и разыскать его. Я откроюсь отцу и попрошу отпустить меня. Он должен мне поверить!»

Оставалось несколько дней до назначенного отплытия «Чайки», и Ваня решил, что тянуть больше нельзя. Он встал пораньше, чтобы выполнить все поручения отца и порадовать его перед важным разговором. Но Рыбник не заметил Ваниных стараний, засветло он ушел из дому, а когда вернулся, принялся загружать телегу.

– Обоз из соседней деревни уже сегодня выезжает, надо успеть передать им товар, – пояснил Рыбник.

– В город? – спросил Ваня.

– Да, на ярмарку.

«Неужто это знак?» – подумалось Ване, и он выпалил:

– Отец, можно я тоже поеду? Я очень хочу повидать Митю... и еще по одному важному делу.

– Самое важное дело у тебя на корабле. А брата по возвращении повидашь.

– Помнишь, я рассказывал тебе про мастера, который делает шкатулки со снежинками? Он звал меня в ученики.

– Твое место тут. Мы уже это решили, – резко ответил Рыбник, отворачиваясь.

Рыбник много раз слышал, как за его спиной шептались соседи, называя его младших сыновей чудными. И если над Митей больше посмеивались, то Ваню будто побаивались. Но последние пару лет ему казалось, что наконец-то судьба на его стороне. Митя устроился в городе на приличную работу и не маячил зазря перед глазами, а Ваня делал успехи на корабле. Рыбник был уверен, что Ваня станет его достойным преемником. Иногда он подмечал, что

младший сын сам не свой, но не хотел разбираться с этим, полагая, что море и честный труд все исправят. Потому что именно так всегда говорили его отец и дед.

– Это ты решил. Это тебе нравится, – ответил Ваня.

Глаза юноши вспыхнули голубым свечением. Но Рыбник этого не видел, он стоял к сыну спиной.

– Мне надоела эта блажь, – отчеканил Рыбник ледяным тоном. – Ты и так не делаешь многое из того, что должен!

– Нет, я не должен! Я не убийца! – выпалил Ваня.

Он не хотел обижать отца, но вырвавшуюся фразу было не вернуть.

Рыбник стал пунцовым от гнева. Он резко бросил шкуры на телегу и посмотрел на Ваню.

«Мальчишка взялся судить меня, старосту? Что ж, я прочту его». И Рыбник залился нехорошим злым смехом, а потом сказал:

– Завтра пойдем в лес. И ты наконец поступишь, как мужчина.

– Я не пойду, – тихо себе под нос сказал Ваня.

– Пойдешь! – еще больше зверея, приказал Рыбник. – Придумал тоже: шкатулки со снежинками. Я выбью из тебя эту дурь. На оленя пойдем!

– Нет, ты не заставишь меня! – закричал Ваня.

Ване долго удавалось скрывать дружбу с Резвым от отца. Но после очередной отлучки в лес Рыбник все-таки вынудил его все рассказать. Обычно отец по-доброму посмеивался над этой «странностью» Вани, но сейчас бил в самое больное. И Ваня усомнился, можно ли доверить отцу еще более важную тайну.

– Не заставлю. Но если в тебе есть хоть капля благодарности ко мне, ты поплывешь, – произнес Рыбник, как мог, спокойно.

Внутри он негодовал: почему Ваня, так внешне похожий на него, не хочет продолжить его дело жизни? Судьба дала ему четырех сыновей: трех родных и Ваню. Неужели он так и не сумеет вырастить достойную смену, как отец и дед? Как тогда смотреть в глаза праотцам, когда земной срок подойдет к концу?

– Отец! Я пытался совладать с собой много лет, но я не могу. Я не такой, как ты, – Ваня приложил руку к сердцу.

– Хватит!!! Я еще понимаю твоего никчемного брата. Хлюпик, которому в море делать нечего. Но ты? Выдумываешь какую-то ерунду! – Рыбник расвирепел.

Он распрямил спину, нахмурился и превратился в ледяную глыбу, которая разнесет в щепки любого на своем пути.

– Я ничего не выдумываю! – защищался Ваня.

Чем сильнее он сердился на Рыбника, тем больше чувствовал, как по венам разливается холод, а руки становятся ледяными. Ваня сжал кулаки, сиюсья остановить нахлынувшие чувства.

«Почему никто не понимает меня? Все говорят со мной, как с ребенком!»

– Я тебе не верю. И пока ты живешь в моем доме, будешь делать то, что я сказал! – прорычал Рыбник.

Ваню окатило ледяной вспышкой гнева. Он почувствовал, как внутри поднимается снежный смерч, и нарастает с такой силой, что он не может сдерживать его. Яркая вспышка разорвала Ваню изнутри, он невольно поднял руки и уже было направил их на Рыбника, когда увидел его глаза.

«Она ни хорошая, ни плохая. Все зависит от тебя», – услышал он голос Марфы в своей голове (или это прошептал ему ветер?).

В последний миг Ваня успел перевести удар на телегу. Поток изморози был таким сильным, что она немного откатилась, а шкуры и рыба покрылись толстой коркой льда.

Рыбник выпучил глаза от удивления. Он смотрел на телегу и не мог понять, что произошло. Потом его посетила догадка, и он перевел взгляд на Ваню. Руки юноши все еще покрывал иней, а глаза были стеклянно-ледяными. Это длилось лишь мгновение, но Рыбника охватил ужас.

«Значит, Ваня и правда связан с Чудо-островом? Но что это за место, раз на нем оказался такой ребенок? Быть может, не зря предки перестали плавать туда? И значит, бабские разговоры о странностях Вани – не просто сплетни?» Рыбник снова посмотрел на сына. «Лучше бы я оставил его на берегу», – промелькнула нечаянная мысль в его голове. Рыбник сразу одернул себя, но было поздно.

Ваня совладал с собой и теперь чувствовал себя несчастным и растерянным. Но это было таким облегчением! Отец увидел все сам и теперь поможет ему справиться. Его любимый отец, ради которого он так старался. Ваня посмотрел на отца и поймал взгляд Рыбника. В нем не было ни отеческой любви, ни заботы строгого учителя, а лишь отчужденная холодность. Это ранило Ваню еще больше, чем грубые слова, сказанные до этого.

«Никто никогда не примет меня таким», – решил Ваня. Страх, много лет мучивший его, ожил. И он разозлился: на родных родителей, которые бросили его, и на приемных, которые никогда не понимали. Ваня почувствовал, как внутри все снова холодеет. Чтобы не натворить еще большей беды, он выскочил со двора и побежал куда глаза глядят.

А Рыбник так и остался сидеть возле обледеневшей телеги.

...

Ваня бежал долго, без оглядки, пока ноги сами не привели его в лес на знакомую тропинку. По ней много раз он ходил к маленькой избушке и звал Резвого. Обычно здесь ему было легко и радостно, но не сегодня.

«Я чуть не убил отца. Все произошло само собой. Эта сила кипит внутри, она больше меня».

Ваня решил, что оставаться в деревне ему нельзя – опасно. Он должен уехать прямо сейчас. В избушке, где он иногда оставался на ночлег, было припасено самое необходимое.

«А остальное можно попросить у брата, – решил Ваня. – Как Митя примет меня? Поймет ли? Должен, ведь и ему было несладко в деревне».

Мысль о том, что в городе есть к кому пойти, немного успокоила Ваню. Но до города еще добраться нужно. И тут Ваня вспомнил про обоз, который, по словам отца, должен был выехать уже сегодня. Выходит, он успеет перехватить его на большой дороге. Ваня быстро собрал свои скромные пожитки и тайным сигналом позвал Резвого.

Оленя долго не было, поэтому Ваня отправился в сторону дороги один. С лучшим другом ему непременно хотелось попрощаться, но и упустить единственную возможность он не мог. Ваня бежал быстро и вскоре оказался в кустах у дороги, идущей в город. «Свежих следов нет, значит, еще не проехали», – решил он и приготовился ждать.

Прошло несколько часов, мир вокруг погрузился в сумерки. Обычно Ваня ложился рано, чтобы встать засветло: море не любит лежебок. Поэтому его начало клонить в сон.

«Сейчас бы ледяной водой умыться», – с сожалением подумал Ваня. Но тут его осенило. Смеясь, он потер ладони одну о другую, а потом немного развел их и начал делать круговые движения, будто вылепливая снежный ком. Пальцы быстро стали ледяными, и на ладонях появился пушистый снег. Его оказалось достаточно, чтобы растереть лицо и взбодриться. Когда Ваня уже заканчивал свою волшебную шалость, послышались шаги. Он сразу узнал друга. Резвый все-таки пришел на зов. Ваня поздоровался и приложил руку к шершавому носу оленя. Говорить было сложно, но Ваня знал, что Резвый поймет.

– Мне нужно уехать в город. Он далеко, где-то там, – Ваня махнул рукой в нужном направлении. – Я еще вернусь, обещаю. Но сначала мне нужно разобраться с этим. Ваня поднял руки, и в небе над головой оленя появились снежинки. Резвый высунул язык и, довольный, поймал несколько. Ваня обнял мохнатого друга за шею.

Вскоре Ваня услышал стук копыт: обоз приближался. Когда первые освещенные телеги проехали, Ваня по-пластунски выбрался на дорогу и одним резким прыжком прыгнул на телегу с соломой. Когда он обернулся, Резвый все еще стоял в их недавнем укрытии между деревьев. Ваня помахал на прощанье другу и своей прежней жизни, лег и сразу провалился в глубокий сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.